

ББК 63.3(2)522-2

С.А. Айларова, З.С. Суанова

**Предприниматель как новый социально-культурный тип
в северокавказской общественной мысли
второй половины XIX в.**

(по материалам творчества И.Д. Канукова)

S.A. Ailarova, Z.S. Suanova

**Enterpriser as a New Socio-Cultural Type
in the North-Caucasian Social Conception
in the Second Half of the XIXth Century**

(on the Base of Materials of Kanukov's Creative Work)

В творчестве осетинского просветителя второй половины XIX в. И.Д. Канукова получают отражение знаменательные для Осетии процессы – формирование новых хозяйственных ориентаций в обществе, фиксируется потребность в предпринимательской культуре, отвечающей условиям нового времени. Столкнувшись с новой реальностью, отдельные представители бывшей социальной элиты – алдары – не только обратились к хозяйственному труду, но и принесли в сферу пореформенной осетинской экономики черты «предпринимательского духа» своих предков – решительность и смелость, новаторство, свободу и способность идти на риск, ответственность.

Ключевые слова: предпринимательский менталитет, этика труда, северокавказское просветительство.

Новый социально-экономический и культурный строй, который сложился в Западной Европе и с начала XIX в. неминуемо надвигался на Россию и Кавказ, сформировал особую личность капиталистического предпринимателя. Известный немецкий экономист и культуролог В. Зомбарт подчеркивал внутреннюю неоднородность и противоречивость структуры личности его главного субъекта – капиталиста. «Капиталистический дух» включает две социокультурные и социопсихологические составляющие – «мещанский дух» и «предпринимательский дух» – «в пестрой ткани капитализма мещанский дух составляет хлопчатобумажный уток, а предпринимательский дух есть шелковая основа» [1, с. 25].

«Мещанский дух» – рациональное и пассивное начало, он присущ представителям социальных низов, ориентированным на приспособление и выживание, тяготеющим к стабильности и повседневности. Крестьяне из повести «На холме» адыгского просветителя А.-Г. Кешева – яркие носители «мещанского духа», культурных черт трудолюбия и практицизма.

«Предпринимательский дух» господствует в момент генезиса капитализма. В. Зомбарт характеризует

Significant for Ossetia processes – new economic orientations in the society, the demand for business culture satisfying the conditions of a new economic era had an effect on the creative work of I.D. Kanukov, the Ossetian enlightener of the second half of the XIXth century. Having met with a new reality some representatives of the former social elite – aldars (princes) – paid their attention to business and introduced the features of «business spirit» of their ancestors: resolution, courage, freedom, capability to be risky and innovative which they have brought into the sphere of the post-reform Ossetian economy.

Key word: business intelligence, labour ethics, North-Caucasian enlightenment.

его как «синтез жажды денег, страсти к приключениям, изобретательности и многого другого» [1, с. 25]. Это активное, пассионарное начало, преобладающее среди социальной элиты «героических» народов, носителей воинской культуры.

Добуржуазный предприниматель, согласно В. Зомбарту, соединяет в себе душевные качества завоевателя и организатора, ему свойственны черты воинского этоса – духовная энергия и свобода, воля к действию и осуществлению своих планов, упорство и постоянство, отвага и умение убеждать, соединять и координировать действия многих людей в едином военном предприятии.

Другой исследователь «капиталистического духа» М. Вебер называет традиционное предпринимательство авантюристическим, ибо оно не связано с хозяйственной деятельностью, направлено на непроизводственные виды деятельности и «ориентировано на насилие, прежде всего на добычу» [2, с. 50].

В условиях государственно-правового состояния общества «предпринимательский дух» способен переориентироваться на хозяйственную деятельность, в этом случае он является оплодотворяющим началом

продуктивной экономики. Государство и право ограничивают силу, препятствуя ее экспроприаторским вторжениям в хозяйственные отношения. Право создает пространство предсказуемости – гарантии того, что продукт дополнительных экономических усилий или инновационного риска не будет изъят под каким бы то ни было предлогом, и тем самым стимулирует инициативу и высокопродуктивный труд. Переход от «набеговой экономики» перераспределения и экспроприаторства к экономике роста может быть обеспечен только господством государственно-правового принципа [3, с. 62–67].

«Набеговая экономика» многих народов Северного Кавказа находилась с начала XIX в. в непримиримом противоречии с представлениями российских властей о «нормальном» хозяйствовании. Карательные экспедиции были ответом на действия «хищников», как официально называли участников набегов. Но с окончанием Кавказской войны, с вхождением северокавказских народов в российское государственно-правовое пространство создавались условия для становления продуктивной экономики – рядовой горец только с помощью государства и права мог отстоять и свою хозяйственную автономию и свое достоинство.

От социальных верхов горских обществ новая социально-историческая ситуация потребовала адаптированности и мобильности, понимания неизбежности происходящих перемен и умения к ним приспособиться. Общественная мысль представляет свидетельство удивительных метаморфоз такого рода: речь идет о «кавказских повестях» И.Д. Канукова, прежде всего о очерках «Горцы-переселенцы» и «В осетинском ауле» [4, с. 20–87].

Инал Дударович Кануков родился в 1850 г. в семье осетинского князя-алдара, подпоручика российской армии. Малолетний Инал получил домашнее воспитание, типичное для отпрыска привилегированного сословия, состоявшее, главным образом, в обучении воинским навыкам, прислуживании многочисленным гостям отца в кунацкой и уходе за их конями. В итоге «из него воспитывался хороший наездник», знаток горского этикета и народных обычаев.

В 1857 г. отец определил его в Ставропольскую гимназию и находившийся при ней интернат для детей «почетных горцев». Однако через два года Инал вынужден был прервать учебу, так как отец, поддавшись агитации фанатиков-мусульман, решил переселиться с семьей в Турцию.

Маленький Инал стал участником полных трагизма событий. Невероятные страдания переселенцев, смерть близких, потеря имущества, физические и нравственные муки семьи стали потрясением для впечатлительного мальчика. На чужбине Кануковы не обрели «обетованной земли», и через несколько недель пребывания в Турции семья вернулась на родину, на Кавказ. Все пережитое на чужбине навсегда

запечатлелось в душе Инала и стало темой многих его произведений.

По возвращении на родину Инал доучивался в гимназии. В ее стенах пробудилось его незаурядное литературное дарование, были написаны первые рассказы.

В 1872 г. И.Д. Кануков получил аттестат зрелости и поступил в Александровское военное училище. С весны 1875 г. молодой офицер на службе в различных частях; а в 1877 г. он принимает участие в Русско-турецкой войне. В эти годы были написаны все его произведения «кавказского» цикла [5, с. 14–27].

Очерки, рассказы, статьи И.Д. Канукова освещают знаменательные для Осетии процессы – формирование в первые пореформенные десятилетия новых ценностных ориентаций в обществе; фиксируют складывавшуюся потребность в новой трудовой и хозяйственной культуре, отвечающей условиям нового времени. «Пропало прежнее обаяние к традициям отцов, все внимание народа обращено теперь на практическую сторону жизни...» [4, с. 300–301]. Прагматизм и рациональность овладевают сознанием целого народа; он готовится пересмотреть когда-то незбылемые представления о труде и собственности: «современный горец, хотя и верен до некоторой степени традициям отцов даже и при воровстве, но приходит к сознанию неприкосновенности чужой собственности» [6, с. 104].

В воинственном народе, чей «предпринимательский дух», выражаясь словами В. Зомбарта, коренится в особой витальности, «в мощной жизненной силе, стоящей выше среднего уровня жизненности» [1, с. 198], начинает проглядывать практичность и приземленность. «Как посмотришь теперь да сравнишь характер современного горца и горца недавнего прошлого времени, когда еще воевал Шамиль, то подумаешь, что с тех пор, как окончилась война, прошло столетие. Температура горской крови значительно понизилась, его горячая натура сделалась более холодной, расчетливою, смотрящею на жизнь с более положительной точки зрения... Теперь вместо того, чтобы совершать набеги вооруженными с ног до головы и пугать мирных путешественников, занялись сельским трудом, понимая то, что в противном случае придется им голодать» [4, с. 83].

«Теперь времена другие настали... Пора расстаться с оружием и взяться за соху», – повторяют горцы.

Осетинский просветитель прослеживает судьбу бывшей социальной элиты осетинского общества – алдар, носителей воинского этоса. В ходе драматических исторических событий, столкнувшись с новыми требованиями жизни, отдельные представители этого слоя не только обратились к хозяйственному труду, рациональному ведению собственного хозяйства, но и принесли в сферу пореформенной осетинской экономики черты «предпринимательского духа» сво-

их предков – целеустремленность и решительность, постоянство и упорство, неутомимость и смелость, отвагу и способность идти на риск.

Началом переосмысления праздно-воинственных принципов жизни горской элиты было переселение части мусульманского населения Осетии, прежде всего представителей высшего сословия, в Турцию в 60-е гг. XIX в. Эти сюжеты характерны для очерков «Горцы-переселенцы» и «Заметки горца», а также путевых заметок «От Александрополя до Эрзерума» [4, с. 96–106; 6, с. 309–332]. В драме переселения горцев в Турцию соединились интересы разных исторических и социальных сил. Царское правительство стремилось освободиться от «беспокойного элемента» для широкой колонизации земли на Кавказе. Турецкое правительство преследовало свои далеко идущие планы использования горцев против России. Социальные верхи горских обществ, убедившись в неизбежности отмены крепостного права на Северном Кавказе, подстрекаемые провокационными слухами, уводили в Турцию своих холопов [7, с. 291–292].

Осетинский просветитель освещает в своих очерках прежде всего роль социальных верхов в этой трагедии народов Кавказа. Именно они, горские феодалы, «недовольные нововведениями после покорения Восточного Кавказа», «хотели избавиться от них» уже в Турции.

И.Д. Кануков рисует страшные картины страдания, физических мук, гибели людей – и все во имя сохранения отживающего уклада жизни. Алдары в страхе лишиться «даровых рабочих рук» уходили в страну, о которой у них были самые фантастические представления. Как отмечает Кануков, переселение резко ослабевает в 1867 г. в силу «весьма важных обстоятельств», т.е. завершения крестьянской реформы и освобождения социально-зависимых категорий крестьянства [4, с. 97–98].

Именно после этих исторических испытаний вернувшиеся на родину «обратные» переселенцы переменили свое отношение к труду и хозяйству. «Тогда кидались за свободой, за привольным житьем без всякого особого труда...», «но теперь обстоятельства жизни с освобождением крестьян, этих даровых рук, на которые слагались все заботы семьи, переменились, – переменился и характер современного горца...» [4, с. 80].

Новые исторически и социальные условия, в которых оказались горцы после проведения модернизирующих реформ 60-х гг. XIX в., испытывали на прочность всю духовную структуру горской культуры, горского уклада жизни. «Условия прежней жизни, выработавшие в горце молодецкие качества, искореняются постепенно, – ...и идеалы прежних джигитов-абреков становятся достоянием преданий» [4, с. 83].

Подвергается переоценке практика наездничества со всеми атрибутами этого социально-культурного

института. «Молодечество среди горского населения уже далеко не имеет того могущественного влияния на молодежь, какое имело еще в недавнем прошлом; на молодежь теперь смотрят, как на праздность и полнейшее безделье. Подражателей прежним удалцам укоряют, а не хвалят теперь» [4, с. 81].

Давая характеристику наездническому укладу жизни, которым жил когда-то его отец – осетинский алдар, – уклада, в ценностях и нормах которого воспитывался будущий писатель, Кануков называет его «праздным», хотя на поверку это чрезвычайно деятельный образ существования, формировавший энергичную и подвижную натуру.

«Этакою праздною жизнью особенно отличалось высшее сословие, которое, обладая множеством крестьян, возлагало на последних все работы, а само разъезжало на балц, к соседним кабардинским князьям» [4, с. 81].

Будучи средством поддержания военной мобильности, институт наездничества выступал прерогативой княжеско-дворянской верхушки, имевшей широкие связи в горских обществах и поддерживавшей обычаи гостеприимства, аталычества, взаимопомощи. Между тем просветителю все особенности этого милитаризованного быта казались лишь ленью и праздничностью. «Балцами назывались праздные разъезды по соседям. В то время гостили по целым месяцам; женам не показывались довольно долго. Сидеть дома считалось постыдным» [4, с. 81].

Для высших сословий занятие наездничеством было неотъемлемой частью их социального статуса. Шесть месяцев в году горская знать проводила в разъездах и набегах, которые стали обычаем и носили обязательный (ритуальный) характер [8, с. 14]. Военизированный быт включал как непременные атрибуты владения оружием, конем, воинскими тактическими приемами. «Так как мой отец принадлежал к числу людей, имевших крестьян, то он мало обращал внимания на черную работу, считал ее для себя позорною. Он только в совершенстве владел оружием своим и ездил превосходно на своем сером коне, которого так старательно купал на речке... Он обладал умением выдирать из ремня самые необходимые мелкие вещи для сбруи конской; он метко стрелял из винтовки... Когда, бывало, собирался он в балц, то мать и сестра просиживали целые дни за шитьем для него платья, нарядившись в которое он уезжал надолго со двора. Куда? Не знала ни одна душа. Через месяц или два, обыкновенно он возвращался, но в сопровождении целой кавалькады: тут были и кабардинские и кумыкские князья, и все они в свою очередь гостили у нас более или менее продолжительное время» [4, с. 81].

Для горских народов война, в силу особых исторических условий, стала тем фоном, на котором долгое время протекала их жизнь и для которых война стала ценностью на уровне общественных отношений.

Концентрированным выражением общественно-культурной модели, связанной с войной, является дворянский этикет [9, с. 118–128]. И.Д. Кануков рисует картины торжественных собраний дворян, гостей его отца-алдара, со всеми деталями этикета, которые постигал тогда будущий просветитель, с неторопливыми рассуждениями о конях и оружии. Осетинский просветитель смотрит на этот ушедший мир сквозь призму европейской идеологии труда, и этот по-своему цельный мир предстает не более как – «праздная жизнь» [10, с. 196].

Но когда исторические обстоятельства изменились, и многие из дворян были вынуждены обратиться к крестьянскому труду, то в этом традиционном занятии проявились черты воинского этоса – целеустремленность, способность к огромной концентрации энергии, упорство и настойчивость. «Отец, поняв свое безвыходное положение и то, что уже холопов, на которых можно было бы возложить работу, не стало, принялся сам работать энергично день и ночь, забыв о том, что он когда-то знал лишь своего серого коня да свое оружие, а черную работу презирал. И благодаря его энергии и удивительному труду, благосостояние наше стало быстро поправляться... Остальные переселенцы, наученные тоже горьким уроком, стали поправляться, а были впрочем, и такие, которые разорились окончательно, так как без первоначальной помощи они не могли подняться на ноги» [4, с. 78].

Однако в целом уклад жизни и культурные традиции бывшей социальной элиты сохраняли в первые пореформенные десятилетия определенную инерцию и были источником значительных проблем в организации хозяйства и обустройстве повседневной бытовой жизни. В 50-е гг. XIX в. на первом этапе крестьянской реформы в Осетии кавказская администрация организовала отдельные поселения бывших владельцев-феодалов и зависимых сословий [11, с. 8].

Родное для И.Д. Канукова село Брут, где жили бывшие арские фамилии, столкнувшись с трудностями крестьянского существования и хозяйствования, оказалось задавлено нищетой. «Я не видел в нем... того довольства, которое заметно в аулах по дороге от Владикавказа, – писал просветитель. – Проезжая через них, я видел большие гумна, наполненные огромными скирдами пшеницы, видел на речке множество мельниц, весьма порядочных; видел дома европейской постройки, покрытые черепицей, и маленькие, аккуратно содержимые садики перед этими домами. Словом, видно было по всему, что там жители стараются обставить свою жизнь по возможности лучше, удобнее. А тут представились только жалкие сакли, мрачно глядевшие своими одноглазыми крошечными окнами из-под соломенных крыш. Сколько я ни старался, не мог увидеть ни одного деревца и – увы! – ни одного гумна со скирдами, как в соседних аулах» [4, с. 20].

Но даже бывшие алдары проникаются идеями о необходимости менять жизненные ценности, не стыдиться усваивать элементы рациональности и экономизации ведения хозяйства. «Что за житье наше? – говорит один из местных жителей. – Посмотришь, как живем мы, так даже совестно. Ну, что за сакли у нас? Курятники какие-то, не избавляющие нас от холода зимою, а летом от дождей, даже самых незначительных. На дворе капнет – и в сакле капнет. Зимою сколько мы дров истребляем! В продолжение зимы привезешь по крайней мере арб сто, огонь всегда пылает среди сакли, а все-таки мало тепла. Рукам бывает тепло и ногам тоже, потому что почти зарываем их в золу, а спина все-таки мерзнет. А платье отчего так рвется у нас? Оттого, что в продолжение всей зимы жжешь его у огня и по целым месяцам не снимаешь его с плеч... Шубы нам служат и летом и зимою. Еде не знаем меры. Зарежу, например, я барана на ночь, и уже к утру его не будет: оставлять как-то неловко. Фруктами лесными мы не хотим пользоваться: нам кажется стыдным везти их возами отсюда и променивать их на хлеб. И что это аул наш отстал от других аулов? Почему беднее всех? Посмотреть кругом – так ни у кого не увидишь порядочного строения, как в других аулах. Право, прежние наши холопы живут гораздо состоятельнее нас...» [4, с. 36].

Крестьянские села с населением, привычным к труду и заботам, гораздо быстрее усваивали новые, «европейские» потребности, и за несколько пореформенных лет преобразились. Одно из таких сел – Гизель, где жили приемные родители (атайки) И.Д. Канукова. «Я не узнавал в нем прежнюю Гизель. Теперешний вид аула ни в чем не напоминал тот вид, который он имел три-четыре года назад. Тогда сакли были жалкими, грязными, а теперь чистые и опрятные. Есть даже между ними довольно порядочные дома... Улицы расположены правильно, окна саклей большей частью обращены к улице, чего никогда прежде не бывало» [4, с. 58].

«Мещанский дух» овладевает, по мнению просветителя, всеми слоями осетинского общества – «все внимание народа обращено теперь на практическую сторону жизни».

На фоне такой «экономической» ориентации народа по-новому проявились черты воинского этоса осетинских алдар – они начали формировать тип горца-предпринимателя, горца-буржуа. В очерке «Горцы-переселенцы» И.Д. Кануков представляет эту неожиданную для Северного Кавказа фигуру, являющую «тип нашей зарождающейся молодежи», в которой «есть зачатки характера, выработанные обстоятельствами современной жизни». Просветитель считает, что «этими чертами характера будет отличаться вся наша молодежь в близком будущем» [4, с. 84].

Так, герой очерка Хасан обнаруживает удивительные целеустремленность и упорство в организации

своего небольшого производства, в накоплении капитала. Это уже черты настоящего «хозяина», трезвого, практичного человека, способного организовать экономический, материальный мир, заставить его продуктивно работать с выгодой для себя и окружающих.

Хасан родом из алдарской, «лучшей фамилии», но «вопреки традициям своей знаменитой фамилии этот молодой человек имеет сильное предубеждение к джигитству, к бесцельным разездам и даже ношению кинжала» [4, с. 84]. Он не побоялся пойти на риск, влезть в долги, на которые купил несколько ароб, снял подряд на строительство железной дороги, доставляя туда песок, камень, хворост для постройки плотин. На заработанные деньги он построил кирпичный завод и начал поставлять кирпич на стройку. «Так я кое-что зарабатывал, и деньги заработанные не проматывал, а относил в банк» [4, с. 85]. Это уже настоящий субъект экономики роста, в лице которого на Северный Кавказ явилась идея накопления и расширенного производства.

Подкопив денег, он уже мечтает о табуне лошадей и баранов. По-европейски обустроив свой быт, выстроив «дом на русский лад», он и в частную жизнь внес начала экономии и бережливости: «Чай мне стоит дешевле, чем, например, резать барана и делать из него бульон; кроме того, чай пить приятнее и всякого гостя можно им попотчевать» [4, с. 84].

Таким образом, это действительно новый человек для Кавказа – в центре всей его жизни, менталитета и нравственности находится активная, инициативная, повседневная трудовая деятельность: ни минуты безделья. «Я так привык теперь к хлопотам, что не могу усидеть ни одного часа и презираю от души человека праздного и бездельного» [4, с. 84].

Социально-ответственная личность, он и своих соседей и соотечественников пытается организовать на общественно полезные дела, в частности, спасти от затопления покосное место соседнего аула: «...я работаю не для своей собственной пользы, приходится работать и на благо своих земляков, которые... относятся к моим начинаниям не особенно благодарно» [4, с. 84].

И действительно, консерватизма и предубеждений против разного рода инноваций в обществе хватало. Большая часть представителей бывшего дворянства предпочитают не работать, а проводить время в досужих разговорах на нихасе (традиционном собрании) – «и так они болтают и болтают до сих пор, удивляясь, как это они, работая, не богатеют» [4, с. 85].

Таков, например, Данел, герой очерков писателя «В осетинском ауле» и «Две смерти» – тип «известного разряда нашей молодежи». Из всего духовного наследия своих аристократических предков он воспользовался лишь хорошо усвоенным дворянским этикетом. Благодаря дворянскому воспитанию и знанию этикета

он всегда востребован в обществе, накормлен и напоен на всех свадьбах, пирушках, приемах гостей. Добряк и праздный гуляка, он беззаботно и безответственно прожигает жизнь, не желая ничего знать о требованиях и тревогах настоящего и будущего времени [4, с. 37–45]. Постоянное празднотшанье – причина его отчаянной бедности, бесприютности и бездомности. «Для него нет определенного, постоянного местопребывания, хотя у него есть своя собственная сакля, – пишет о Данеле И.Д. Кануков. – Но что за сакля? Она похожа на сказочную избушку на курьих ножках. Стоит эта сакля особняком, почти на самой середине улицы, без всяких пристроек и забора. В ней живет престарелая мать Данела, потерявшая всякую надежду на помощь со стороны сына» [4, с. 38].

Будущее, по мнению просветителя, не за такими бездельниками, проводящими жизнь в «бесцельных разездах», а за тружениками, своими руками строящими фундамент своего и народного благополучия. Незыблема вера писателя в то, что таким трудолюбием и предприимчивым менталитетом будет отличаться «вся наша молодежь в близком будущем».

Именно такая молодежь, отличающаяся любовью к труду и хозяйственному творчеству, построит новую продуктивную экономику Северного Кавказа, заставит уйти в прошлое «экономике захвата и набега». «Склонность к воровству есть еще остаток недавнего прошлого времени, и эта склонность сама собою должна уничтожиться. Против могущественного напора цивилизации не устоят никакие традиции старины», – писал И.Д. Кануков.

Таковыми «традициями старины», не совместимыми, по мнению просветителя, с рациональным ведением хозяйства, были также обычаи поминок и калыма. Они могли подорвать даже крепкое горское хозяйство, как это случилось с крестьянином Гиссо Гутиевым, в доме которого в один год случились свадьба и похороны [4, с. 87–95].

Трудолюбивая семья Гутиевых не накопила богатства, но жила в достатке, который позволял ее членам изредка «есть говядину, что не особенно часто выпадает на обед даже богатого и состоятельного осетина» [4, с. 88].

Однако достаток горца неустойчив, хрупок, – «малейшая неудача и превратность судьбы вмиг превратят его в нищего» [4, с.92]. Первый удар хозяйству Гиссо нанесла женитьба старшего сына – это и уплата калыма и организация обильного свадебного пира. Забивая множество скота для свадебных столов, Гиссо мыслил не в категориях расхода и дохода, а руководствовался престижными соображениями: «при всех этих приготовлениях Гиссо не соображался мысленно с возможным количеством будущих шаферов, которых ему придется угощать, ни с тем, сколько эти шаферы могут истребить провизии приблизительно, чтобы не наготовить лишнее. Он руководствовался единствен-

но тою мыслью, чтобы как можно больше насытить своих гостей, чтобы всего для них было обильно, и, чем обильнее, тем лучше, и нужды нет, если они даже половину приготовленного не поедят и останутся так – это, напротив, будет говорить в пользу его же самого: все отзовутся, что Гиссо хлебосол, щедр и гостеприимен» [4, с. 91].

Копивший всю жизнь свой скромный достаток, крестьянин, над которым довели нормы традиционной культуры, мог спустить это без сожаления в один день.

После смерти младшего сына хозяйство крестьянина полностью разорилось – поминки будут «стоять немаловажных для бедного Гиссо расходов..., на которые не хватит и всего хозяйства Гиссо» [4, с. 95].

Народ не находил сил противостоять обескровливающим его хозяйственную деятельность традициям, поскольку в основе их лежала религиозная традиция – культ мертвых. «А не справить поминки по умершему... величайший позор... У нас тем, которые не справили поминки – произошло ли это от недостатка или другой такой причины, – нет проходу. «Твои мертвые голодают и есть просят», – обыкновенно попрекают их. Справишь плохие поминки, т.е. такие, на которых бы не отъелся целый аул до отвала, скажут, что хозяин скуп. Потому-то каждый старается не осрамиться в народе и разорется до последней крохи, выжимает все соки, чтобы накормить голодных одноаульцев и не прослыть в народе за дурного человека» [4, с. 53].

О необходимости сознательной борьбы целой Осетии со всем, «что мешает развитию экономических благ народа», И.Д. Кануков пишет в статье «К вопросу об уничтожении вредных обычаев среди кавказских горцев» [4, с. 301]. Бесплезно здесь действовать насилием и приказами, как это делал Начальник Осетинского округа генерал-майор М. Кундухов, – «в борьбе

с традициями веков... нужна коллективная борьба самого народа против гидры – вредных обычаев» [4, с. 300].

Подрывала горские хозяйства и система штрафов, которую кавказская администрация применяла для «духовно-нравственного воспитания туземцев». Штрафы, как правило, не достигали цели, но зато подкашивали и без того маломощные хозяйства и часто обрекали горские семьи на голод [4, с. 49–52].

Однако в целом просветитель был уверен в том, что Осетия уже сориентирована на новые ценности, что практичность и трудолюбие утверждаются в народной массе. Встреча с европейской цивилизацией и русской культурой заставит уйти в прошлое «набеговую экономику», все традиции бранной жизни. «И слава богу, что цивилизация забросила к нам луч свой; наконец мы видим и железную дорогу; свист локомотива оглушает нас, мирных граждан, и напоминает нам ежедневно, что и мы присоединились к семье цивилизованной Европы» [4, с. 87].

В период проведения модернизационных преобразований социально-экономических основ жизни горских народов, на переломном этапе развития возникает необходимость формирования новой хозяйственной культуры. И.Д. Кануков концентрирует внимание на человеческих факторах становления новой экономики, воспитании современной хозяйственной психологии и мышления. Он стремится выявить в социально-культурной ткани горского общества факторы, которые могли бы способствовать развитию продуктивной экономики: это крестьянские трудолюбие и практицизм и «предпринимательский дух» бывшей горской воинской элиты.

Непременное условие изменения экономических и бытовых условий жизни горцев – умение учиться трудовым и хозяйственным навыкам у передовых, экономических развитых обществ Европы и России.

Библиографический список

1. Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. – М., 1994.
2. Вебер М. Протестантская этика и «дух капитализма» // Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990.
3. Панарин А.С. Парадоксы предпринимательства, парадоксы истории // Вопросы экономики. – 1995. – №7.
4. Кануков И.Д. В осетинском ауле: рассказы, очерки, публицистика. – Орджоникидзе, 1985.
5. Суменова З.Н. Инал Кануков (жизнь и творчество). – Орджоникидзе, 1972.
6. Кануков И.Д. Сочинения. – Орджоникидзе, 1963.
7. История Северо-Осетинской АССР. – Орджоникидзе, 1987. – Т. 1.
8. Мирзоев А.С. Институт наездничества «Зеклуэ» у адыгов (черкесов) в XVIII – пер. пол. XIX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1998.
9. Хадикова А.Х. Традиционный этикет осетин. – СПб., 2003.
10. Айларова С.А. Общественная мысль народов Северного Кавказа: культурно-исторические проблемы модернизации. – Владикавказ, 2003.
11. Зембатов Ч.С. Аграрные отношения в Северной Осетии в пореформенный период 1870–1900 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1983.